

ЖИЗНЬ
В ПРОФЕССИИ

ПО УХАБАМ ВРЕМЕНИ: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Перелистывая журналы, я наткнулся на одну из безумных идей, которыми хоть пруд пруди в современной науке. О том, что настоящего нет, а есть только прошлое и будущее. Когда событие происходит, оно в то же самое мгновение оказывается в прошедшем. Действительно, есть ли то, что есть? И не живём ли мы воспоминаниями о прошлом и мечтами о будущем? Например, об интеллигенции и об интеллигентности. Может ли интеллигентность сегодня быть целью и содержанием образования? Об этом наша статья — приглашение к размышлению.

Володар Краевский,
Заслуженный
деятель науки РФ,
академик РАО

К числу «вечных», выходящих за рамки одного какого-либо социального или профессионального слоя общества принадлежат проблемы образования — чему и как учить молодёжь. На крутых поворотах истории эти проблемы переходят в разряд общенациональных. По вполне понятным причинам как никогда важны они сейчас, в период идущей у нас с переменным успехом Реформации. Как учим — так и живём. Как будут учить наших детей, так они и будут жить. С кого «делать» жизнь? Где искать пример для подражания, жизненный и воспитательный идеал?

Для поколений людей в нашем отечестве таким идеалом был русский интеллигент, человек, по общим представлениям, многое знающий, глубоко чувствующий и сочувствующий, защитник обиженных и оскорблённых. Может быть, интеллигенцию и следует принять за идеал воспитания?

Дело обстоит не так просто. Прежде всего, необходимо иметь достаточно твёрдые основания для решений в такой чувствительной социальной сфере, как образование. Само слово «интеллигенция» неоднозначно. Оно на другие языки не переводится, поскольку, по общему признанию, отражает специфическую российскую реальность. Имеющиеся в литературе дефиниции всегда окрашены в цвета эпохи и в явной или неявной форме выражают субъективную эмоционально-ценностную ориентацию авторов. Л.А. Фадеева в небольшой, но весьма содержательной статье об интеллигенции, вспоминая слова Н.К. Михайловского о праве русского человека «иметь термины и понятия, Европе неизвестные», отмечает: «По прошествии 115 лет интеллигенция представляется кому-то утешительным, кому-то прискорбным явлением...» (Фадеева Л.А. Это странное слово «интеллигенция» // Мир образования. 1997. № 3. С. 17).

При всём разнообразии мнений авторов большинство сходятся на том, что в понятие «интеллигент» включаются, кроме высокой степени развитости интеллекта человека, такие его качества, как порядочность, высокая нравственность, приверженность общечеловеческим ценностям и стремление их распространять в обществе. В этом случае интеллигент выступает как представитель, по словам Д. Овсяннико-Куликовского, «образованной части общества, созидающей и распространяющей общечеловеческие ценности». Такое общественное предназначение порождается особыми социальными условиями, в которых формировалась и существовала русская интеллигенция, по словам самих её представителей: когда «в окружающей жизни мало простора» (А. Изгоев), когда «демократизация высшей культуры встречает непреодолимые препятствия» (Д. Овсяннико-Куликовский), когда интеллигенции приходилось просить «дозволения говорить вслух» (Н. Михайловский).

По-видимому, в этом направлении и следует искать причины непереводимости слова «интеллигенция» на другие языки — в нормальном современном обществе нет необходимости в специальной социальной группе «борцов за правду и справедливость». Там эту функцию берут на себя политические партии, пресса, правоохранительные органы и другие учреждения социальной защиты. Интеллигенция — не «образованщина», не ассамблея людей умственного труда. Интеллектуалы не составляют ещё интеллигенцию. Вполне актуальна модель П.Н. Милюкова, представившего интеллигенцию и образованный класс в виде двух концентрических кругов. В этой модели интеллигенция обладает инициативой и творчеством, образуя тесный внутренний круг, а просторный круг образованного слоя является средой непосредственного воздействия интеллигенции.

Русскую интеллигенцию прошлого можно сравнить с пружиной. Чем меньше пространства — тем туже она сжималась, яснее проявляла себя в словах и действиях. Можно определить интеллигенцию и её дело,

отправляясь от противного. Русская интеллигенция формировалась в противостоянии известной формуле: «православие, самодержавие, народность». Её можно по-разному модернизировать, но суть останется прежней. По мнению ряда авторов, и менять не надо.

Много лет уже идёт реформирование образования, которое теперь называют модернизацией, но противодействие переменам не сдаёт свои позиции. Обратный ход в образовании в силу его социальной природы неизбежно сказывается на общественном прогрессе в целом, способствует *архаизации общественных отношений*. Иногда вместо провозглашаемой Правительством РФ модернизации образования в пору говорить о его «демомодернизации». Одним из проявлений этой тенденции стала попытка возрождения в сфере образования идеологического наследия николаевских времён, представленного в установках, авторство которых принадлежало известному своим консерватизмом министру просвещения С.С. Уварову (1786–1855). Вот что было напечатано недавно в сборнике, посвящённом формированию личности молодого человека: «В последнее время делаются попытки... найти свой, российский стратегический путь, свои главные ценностные ориентации, свою национальную идею. С этих позиций формула С.С. Уварова «православие — самодержавие — народность» представляется хорошей основой. Хотя автор этой концепции, выдвигая её, ссылаясь на «монаршую волю», на самом деле это была своевременная и (на мой взгляд) удачная попытка кратко и ёмко выразить то, что веками вызревало в российском социуме. Подчёркивались: 1) особая, ни с чем не сравнимая роль православия в жизни россиян; 2) представления о единой, неделимой и любимой стране-родине, цементированной монархом-самодержцем; 3) определённое единство всего народа при безусловно признаваемых и весьма больших различиях в сословном статусе, материальном благосостоянии, уровне образования и культуры. Прошедшие сто семьдесят лет делают необходимой определённую, но неприципиальную ревизию формулы

С.С. Уварова» (*Никандров Н.Д.* Формирование личности молодого человека в школе и вузе: ценностный подход // Формирование личности молодого человека в школе и вузе (материалы научно-практической конференции). Владивосток, 2000. С. 13).

Непринципиальную! О принципах можно судить по вполне соответствующему этой формуле отношению С.С. Уварова к свободе просвещения, образования, к свободе вообще и к объективному научному знанию, выраженному такими словами: «Только правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного образования, и настоящие нужды отечества».

Редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения» А.Н. Пыпин (1833–1904) называл уваровское триединство *теорией официальной народности*. Главное возражение, которое он противопоставляет односторонности славянофильства и теории «официальной народности», заключается в том, что «национальность, как стихия историческая, способна к видоизменению и усовершенствованию, и в этом именно возможность и надежда национального успеха» (*Виктор Чумаков, Арсений Замостьянов*. Старейший журнал России. 1803–2003. М.: Народное образование, 2003. С. 92).

В том же ряду — отношение графа к А.С. Пушкину. Странно и как-то неловко читать о том, с каким вельможным высокомерием Уваров говорил своему другу и попечителю столичного учебного округа князю А.М. Дондукову о Пушкине и пушкинских днях. А.А. Краевский, автор вдохновенного некролога Пушкину, выслушал саморазоблачительный выговор Дондукова (известного пушкинского персонажа «князя Дундука»: «Я должен вам передать, что министр (Сергей Семёнович Уваров) крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за чёрная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это ещё куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии!!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался в сре-

дине своего великого поприща!» Какое это такое поприще? Сергей Семёнович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стихи не значит ещё, как выразился Сергей Семёнович, проходить великое поприще! Министр поручил мне сделать вам, Андрей Александрович, строгое замечание и напомнить, что вам, как чиновнику Министерства Народного Просвещения, особенно следовало бы воздержаться от таковых публикаций» (*Русская старина*. Т. 20. С. 536).

Удивительно, но факт — единомышленников графа сегодня, по истечении стольких лет, можно встретить не в министерстве, что было бы, по крайней мере, логично, а в научных кругах.

Формулу Уварова можно конкретизировать более близкими к реальности словами: клерикализм, авторитаризм, национализм.

Клерикализм (не религиозность!) — покушения на принцип отделения церкви от государства, в частности, «размывание» светского характера образования, беспешинная торговля «дьявольским зельем» — табаком, невмешательство в бесчинства властей или участие в них, анафема в адрес интеллигенции (вспомним отлучение Льва Толстого от православия), нетерпимость к представителям иных конфессий.

Авторитаризм — искоренение свободы мысли, безнаказанность беззакония, гонение на прессу, явная или скрытая цензура.

«Народность» в форме национализма — соединённые с самолюбованием нелюбовь к другим странам и народам, неуважение к их обычаям. Всё это обозначено метками «народный», «русский», «национальный» в названиях публикаций и партий, начиная с баркашовской РНЕ: «Национальная газета», «Я — русский», «Славянин». Ревнителю такой «народности» одаривают нерусских кличками: чурки, черномазые (есть и словцо покрепче), косоглазые, жида, обезьяны и т.д. Более эффективного средства для распада империй и федераций пока ещё не придумали.

О терминах и доктринах

Отклик на статью В.В. Краевского

Арсений
Замостьянов

Необходима немалая отвага, чтобы в ситуации, когда нас разрывают частные вопросы, требующие немедленного решения, возвысить свой голос в защиту вечных ценностей. Академик РАО Володар Викторович Краевский написал статью о самых болевших проблемах нашего образования. Статья называется «Интеллигенция и образование» — это сочетание напоминает блоковское «Интеллигенция и революция». Думается, что современная интеллигенция больше увлечена делёжкой квартир и косметическим ремонтом интерьеров, нежели устройством фундамента того дома, в котором мы живём. Тем ценнее мысли В.В. Краевского: они неконъюнктурны, а потому вызывают доверие и уважение. Любой реформе должны предшествовать стратегические идеологические разработки. В противном случае мы оказываемся в тупике... В.И. Ленин писал: «Кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу, бессознательно для себя, наткаться на эти общие вопросы, обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность». Это одна из закономерностей общественной жизни и отмахиваться от неё глупо. После прочтения страстной, искренней статьи В.В. Краевского мне захотелось поделиться с читателями «Народного образования» некоторыми ассоциациями, с чем-то поспорить, на что-то обратить внимание...

Национальный вопрос... Ему в статье Краевского уделяется немало внимания — и это закономерно. Вопрос и впрямь больной для всех народов бывшего СССР. В распаде Советского Союза национализм сыграл, пожалуй, ключевую роль. Во всех республиках действовали народные фрон-

Между тем если уж говорить об объединяющей идее, то она лежит, можно сказать, на поверхности. Просто немислимо её опорить. Её не придумал, а лишь озвучил не оценённый по достоинству современниками наш соотечественник, государственный деятель и мыслитель огромного масштаба А.Н. Яковлев. В своей недавно вышедшей книге он пишет об этом так: «Поскольку Бог любит Троицу, а русское мышление триадно, национальная идея по форме и содержанию должна, на мой взгляд, быть трёхсловной, как у Уварова. *«Свобода. Достаток. Законность»* (Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 646). В различии двух «триадных» формулировок и заключена суть проблемы. Нелёгко путь тех, кто выбрал вторую из них. Им «сегодня приходится вести борьбу, по крайней мере, на три фронта — с наследием тоталитаризма, с нынешней диктатурой чиновничества и с собственным раболепием» (Там же. С. 18).

Как в своё время дело Бейлиса проявило интеллигентность авторов обращения к русскому обществу Мережковского, Гиппиус, Вячеслава Иванова, Сологуба, Блока, Куприна, Вернадского, Бенуа и двухсот студентов Петербургского университета, так и выступления наших современников — известных деятелей науки и искусства в защиту гражданского общества показали, что интеллигенция жива и социальная потребность в ней не исчезла. «Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обагрилась кровью, убивая одних, а других покрывая позором» — это напутствие авторов того, давнего письма, к сожалению, звучит современно. Даже, можно сказать, злободневно, если подумать об «отказниках» — членах Государственной Думы, сначала не почтивших память шести миллионов жертв холокоста, а затем вполне последовательно отказавшихся принять обращение к Президенту РФ В. Путину с осуждением национализма, фашизма и антисемитизма в стране. Получается, что осуждать некому, кроме интеллигенции.

Для полноты картины нужно было бы привести ещё одно, достаточно хорошо известное определение интеллигенции, принадлежащее вождю мирового пролетариата, которому она так сильно мешала, что по соображениям гуманности была в количестве двухсот человек коллективно отправлена за границу («корабль философов»). Отправили на «свалку истории» цвет нации, который, по словам отправителя, вовсе не цвет, а нечто такое, что в собраниях сочинений этого автора стыдливо помечали многоточием.

Картина была бы всё же незавершённой без упоминания о возможности обратного хода. Пролетарский писатель, автор «Несвоевременных мыслей», подписавший обращение по поводу дела Бейлиса, стал со временем поклонником НКВД и сотрапезником вождей. Разоблачитель ГУЛАГа после визита к нему большого начальства в порыве чувств заявил, что он «полон этой встречей». Раскаившийся автор «Зияющих высот» ныне заполняет страницы «народных» изданий публикациями противоположного толка. Так бывало и раньше. Трудно быть богом. «Твёрды и постоянны в сво-

их убеждениях только живые мертвецы», — пишет в той же книге А.Н. Яковлев. По его мнению, одна из причин того, что Россия не использовала шанс «уберечься от разрушительной смуты октября 1917 года, — «демагогическая сердобольность интеллигенции, никогда не умевшей заглянуть за горизонт». С горечью он пишет об интеллектуалах (не интеллигентах!) недавнего прошлого: «Интеллектуалы писали порой смелые строки, но оставались весьма податливыми к ласкам власти. По-советски грызлись между собой, по-советски доносили, изнемогали от мании своей особой значимости» (Там же. С. 596).

Не конец ли это интеллигенции? Такая мысль поневоле приходит в голову, если маячит лишь в неопределённом будущем исполнение пожелания одного из цитируемых в этой статье авторов — И.В. Бестужева-Лады: «чтобы было стыдно быть почитаемым не по труду, а по званию и чтобы стыдно было заискивать перед кем-либо»?

Нет, для интеллигенции в целом, наверное, это не смертельно. Бывали хуже времена... Отставку ей может дать лишь выздоровление общества. Врач не нужен, когда пациент больше не болен.

Интеллигенция, достойная этого звания, особенно раздражает начальство неприятием единомыслия, которое на самом деле невозможно для homo sapiens. Оно всегда будет лишь имитацией, эфемерное существование которой можно, правда, некоторое время поддерживать кнутом и пряником.

Грустно, но факт — праздник Дня согласия и примирения пока плохо удаётся. Линия размежевания проступает достаточно отчётливо: отношение к полковнику — убийце чеченской девушки, к железному Феликсу, к независимости СМИ, к мелодии государственного гимна, к фашизму в немецкой форме, т.е. к национал-социализму, к авторитаризму, к манипулированию демократией, к «демократическому» (бюрократическому) централизму, к судебной реформе, к действиям правоохранительных органов и т.д. Самое время услышать голоса вернадских, куприных, лихачёвых и сахаровых наших дней. Не хватает нам морального образца, явленного в этих людях. Когда отмечали восьмидесятилетие со дня рождения А.Д. Сахарова, говорилось, что мы в начале 90-х поторопились с эйфорией и нужно свободу зарабатывать тяжким трудом. Горьким напоминанием звучат юбилейные стихи Е. Евтушенко:

Как не хватает Сахарова нам,
Когда в погоне жалкой за престижем
Никто из нас не может быть пристыжен
Хотя б одним, кто не замаран сам!

Оказалось востребованным подвижничество — главное, что отличает русского интеллигента от интеллектуала. Так было во времена господства тоталитарной секты большевиков, учинившей в стране геноцид во имя светлого будущего. А теперь на почве, политой кровью «врагов» народа, пускает побеги махровая флора его «друзей». Не живём без кавычек.

ты и иные организации, исповедовавшие просто пещерный национализм. Настоящая путаница возникла в последнее время с определением понятий «нация» и «народ». Дело в том, что с начала девяностых годов силой исторического самогипноза мы пытались отмахнуться от классовой составляющей общественных процессов. Война на уничтожение, которую повело наше общество против марксизма, нашла отражение и в школьных учебниках, и в стилистике официальных речей и документов. Эти процессы неминуемо привели нас к архаизации мышления, если угодно, к новому язычеству, в котором, вопреки народной мудрости, «я» становится первой буквой алфавита, а глагол «хочу» — достаточным основанием для любого деяния. В слове «народ» слышалась музыка революции, напоминая о народовласти, о том, что общество состоит из социальных групп. Всё это нужно было позабыть — и идеологи смутного времени постарались вернуть в обиход расовый принцип — языческий, основанный на кровной близости. Золотому Тельцу легче молиться *нацией*, а не народом. В деле разрушения Советского Союза националисты всех национальностей были первыми скрипками, плечом к плечу с космополитами-западниками. У архитектора перестройки А.Н. Яковлева было немало прорабов. Один из них, Андрей Нуйкин, после распада СССР заявил напрямую: «Как политик и публицист, я ещё совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Мы поддерживали всё, что расшатывало её. А без подключения очень мощных национальных рычагов её было не свалить, эту машину». Прозорливый политик и честный публицист тогда ещё не знал ни об улице Гурьянова, ни о «Норд-осте», но он уже знал толк в «национальных рычагах», которые дают толчок катаклизмам. Тогда — в 89-м, 90-м, 91-м — нужно было лгать. Одним нужно было внушать, что союзные республики — обуза для русских и России, другим — что без России, без её страшного имперского гнёта, республика расправит крылья и обретёт великую будущность. Приведу цитату из Ф.М. Бурлацкого — мыслителя западнического направления, который, однако, занимал в те годы взвешенную позицию и не давал волю разрушительной энергии: «Старовойтова, избранная в парламент от Нагорного Карабаха, требовала передачи этого региона из Азербайджана в Армению, что стимулировало начало кровопролитной войны между ними. Она сыграла большую роль в развале СССР, пропагандируя право каждой нации на самоопределение и выход из СССР или из республик после его ликвидации. Это означало бы создание на

территории Союза чуть ли не 50 государств»¹. Да, на наших глазах обострение национализма в некогда единой Югославии привело к гражданской войне и к распаду страны, повлекшему неисчислимы бедствия для славянских народов. Президент России Владимир Владимирович Путин в декабрьской телевизионной встрече с гражданами России прямо указал на «югославский вариант» как на актуальную опасность и для нынешнего многонационального Российского государства. Очень важно, что эти слова прозвучали на таком уникальном и по-настоящему демократичном мероприятии, как «Прямая линия с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным». Миллионы людей убедились в созидательной позиции главы государства, прекрасно разбирающегося в тонкостях политической истории последнего десятилетия. Сербь, хорваты, боснийцы; православные, католики, мусульмане, составлявшие общество динамично развивавшейся балканской страны, дали рассорить себя, расколоть страну. Отрадно, что Президент России — политик, пользующийся доверием народного большинства, — взял на себя обязанности гаранта дружбы народов нашей страны. За ним — многовековая традиция России — собирательницы народов, семидесятилетняя традиция советского содружества народов, которое дало толчок для интернациональной политики и в Соединённых Штатах Америки, и в Европейском союзе. Мы не сомневаемся, что в марте этого года Президент России вторично получит мандат на проведение политики возрождения Российского государства. Противостоять президенту на этих выборах будут именно центробежные сепаратистские тенденции, замешанные на радикальном национализме.

Игры «демократов первой волны» и их архитектора — те самые, о которых пишет Нуйкин, быстро обернулись кровавыми столкновениями. Реальность хорошо известна: все российские города до сих пор находятся под угрозой террора. Слово «шахид» теперь звучит даже в детских садах! Чечня, Грузия, Нагорный Карабах, Приднестровье — вот результат деятельности внутренних и внешних борцов с коммунистической системой. Разговоры о трёх сотнях политзаключённых в брежневском СССР на этом фоне выглядят по меньшей мере как безответственное эстетство. Заложников, которые пять лет томятся в горных пещерах Чеченской республики Ичкерия, вы не напугаете историей про

¹ Бурлацкий Ф.М. Русские государи. Эпоха реформации. М.: Шарк, 1996. С. 404.

Всё больше говорят и пишут о воспитании как о забытом в последнее время разделе педагогического труда. Причины забвения понятны. С самого начала социальных и образовательных трансформаций понятие «воспитание» оказалось прочно связанным с эпитетом «коммунистическое». Само слово «воспитание» ассоциировалось (впрочем, ещё задолго до всех этих событий, начиная с Льва Толстого) с манипулированием личностью, принудительным выполнением принятых в данный момент ритуалов и вообще с всесторонней индоктринацией. Поэтому на довольно длительный период оно фактически исчезло из педагогического обихода. Чаще всего его заменяли словом «развитие». Однако такая позиция оказалась чересчур радикальной и потому сомнительной.

Педагогическое руководство, педагогическое воздействие — характеристика любой образовательной деятельности, и уйти от этого невозможно. Какими бы тонкими ни были нити, связывающие учителя и ученика, они не могут исчезнуть совсем, пока существует педагогический процесс. Воспитание плохо не само по себе и не любое, а лишь построенное на основе авторитаризма, целенное на индоктринацию и ориентирующее соответствующим образом всех его участников. Вообще же отказываться от целенаправленного взращивания определённых качеств у подрастающего человека посредством воспитания нет оснований. Всё дело в том, *какие* это качества. Должны ли мы воспитывать интеллигента, т.е. стремиться сделать интеллигентами всех? Ответ на этот вопрос представляется таким.

Интеллигенция — категория историческая, ограниченная к тому же географически. Лучше говорить в этом смысле об *интеллигентности как о качестве личности, которым в идеале должны обладать все, не только избранные*. Здесь открывается широкое поле действий для школы, для образования вообще.

По отношению к образованию интеллигентность выступает как его интегральная цель, которую необходимо конкретизировать в контексте педагогики — науки об образовании.

В сущности, *интеллигентность — это приобщённость к культуре, воплощающей опыт человечества, приобретённый им на его многотрудном пути*.

Поэтому и содержание образования, целью которого было бы воспитание интеллигентности, должно представлять собой педагогически адаптированное содержание человеческой культуры, взятой в аспекте социального опыта.

Это положение не является бесспорным. В настоящее время сосуществуют несколько концепций содержания образования, сформировавшихся в разное время и связанных с разным пониманием социальной функции человека в мире и в обществе. Истоки противостояния демократии и гуманизма, с одной стороны, и авторитарных позиций — с другой, в конечном счёте восходят к разному пониманию этих функций: человек — цель или средство, общество для него или он для общества, для государства? Даже временная уступка, теоретическая или практическая,

в пользу концепции человека как средства, а не цели общественного развития, не абсолютной ценности, с неизбежностью уходит в сторону от гуманизма. Таков трагический урок, преподанный ушедшим веком.

Обличья, которые принимает авторитаризм, многообразны. Для профессионалов-педагогов важно отразить их в зеркале педагогической теории, поскольку от неё в большой мере зависит практика — педагогическая и в конечном счёте общественная. Рассмотрим три появившиеся у нас в разное время, но и поныне имеющие своих сторонников концепции содержания образования с точки зрения их соответствия задаче формирования творческого, самостоятельно мыслящего человека современного общества.

Одно из определений содержания образования, имеющее достаточно давнее происхождение, трактует его **как педагогически адаптированные основы наук, изучаемые в школе**. Оставляя в стороне такие качества личности, как способность к самостоятельному творчеству, умение реализовать свободу выбора, справедливое отношение к людям и т.п., эта концепция направлена на приобщение школьников к науке и производству, но не к полноценной самостоятельной жизни в открытом обществе. Фактически человек выступает здесь в ряду средств производства, как «производительная сила». Такое представление о целях и содержании образования было заложено в постановлениях ЦК ВКП(б) о школе, принятых в 1930-х годах.

С точки зрения мировоззренческой ориентации такое понимание содержания образования и других педагогических реалий можно охарактеризовать как сциентистское. **Сциентизм** абсолютизирует роль науки в системе культуры человеческого общества. При этом наивысшей ценностью считаются стиль и общие методы построения знания, свойственные естественным и точным наукам, которые рассматриваются в качестве образца научного знания вообще. Сциентистские установки выражаются во внешнем подражании точным наукам: в искусственном применении математической символики, придании философским и социально-гуманитарным рассуждениям формы, характерной для точных наук.

В соответствии с такими установками любой учебный предмет в школе рассматривался как несколько уменьшенная копия какой-либо научной дисциплины. Но сильно сокращать содержание науки не хотелось. В результате долгие годы школу терзает так называемая перегрузка, т.е. перенасыщение стандартов, учебников и других учебных материалов деталями, сложными терминами, теоретическими подходами, непосильными для понимания учеников и не нужными для жизни. Лучше, чем в научных трудах, об этом сказано в песне Аллы Пугачёвой:

Нагружать всё больше нас
Стали почему-то.
Нынче в школе первый класс
Вроде института.

архипелаг ГУЛАГ. Разумеется, А.Н. Яковлев, как и его единомышленники, не распространяют на себя ответственность за всё то, что произошло с нашим обществом с конца 1980-х. Они будут отрицать свою причастность к идеологическому проекту, породившему бесконечное кровопролитие, антиинтеллектуализм потребительской идеологии, катастрофическое (иначе не скажешь) расслоение общества, преступность и коррупцию на улицах и в кабинетах, бессилие нашей державы на международной арене, где у России нет союзников. Пятнадцать лет разнообразными средствами нам внушали ненависть ко всему советскому, презрение к социализму и его приверженцам — это была настоящая война с 70-летней историей страны. И творцы этой разрушительной *идеологии демонтажа* не вправе отрешиваться ни от упомянутых Краевским баркашовцев, ни от убийств на расовой почве, которые не редкость на территории бывшего СССР.

Презрение к понятию «народность» в устах людей, которым дороги демократические традиции, просто поразительно... Народ — это священное понятие, которое нельзя оскорблять псевдоинтеллигентской снисходительностью! Другое священное понятие — труд. Огромна воспитательная роль труда. А чувство уважения к трудящемуся человеку, независимо от престижности его профессии, способно выветрить дурь из любого радикала. Уверен, что представители всех национальностей России чувствуют разницу между понятиями «национализм» и «народность». Первый разъединяет, вторая — объединяет. За каждым из этих слов стоит определённая этика. Обратимся к аналогии в истории официальных обращений: национализм — для *господ и лакеев*, а народность — для *товарищей*.

Возможно ли в век информации «накрыть» общественное движение одной триадой — наподобие парижской («Свобода, равенство и братство») или уваровской («Православие, самодержавие, народность»)? Вот А.Н. Яковлев выдвинул свою триаду: *Свобода. Достаток. Законность*. Всё это — благие пожелания. Пospорить не с чем, можно только продолжить этот список, ибо на земле немало приятных явлений: *Победа. Уважение. Солнце. Море. Золотой песок. Коньяк выдержанный высшего качества*. У каждого — свой ряд, свои ассоциации. Только в уваровском понятии «народность» заложена установка на демократизм, на всенародное единство страны. Не потерять бы этого ощущения. Самодержавие в нынешних условиях скорее связано с надеждами на полномощную власть, на сильную руку. Что до православия — не

могу разделить авторского страха перед РПЦ. Я не прокурор, а адвокат советской власти, но убеждён, что нападки на церковь чёрной тенью пали на историю советского периода. У нас нет проблемы распрей между православными, мусульманами и атеистами — и не нужно нарушать баланс.

В идеологической системе, которую предлагает Краевский, в качестве центральной фигуры предлагается Александр Николаевич Яковлев — архитектор перестройки, академик, автор книг «От Трумэна до Рейгана», «Омуты памяти», «Сумерки». В.В. Краевский предлагает нам равняться на идеологию А.Н. Яковлева. Яковлев — фигура весьма уязвимая, давно и прочно скомпрометированная. Мы не хотели бы уподобляться скандальным разоблачителям и создавать карикатуру на бывшего секретаря ЦК. И повторять шпионские истории про Яковлева, не имея для того основательных доказательств, нет смысла. Нас интересуют взгляды академика, выраженные в его книгах и интервью разных лет.

Антисоветизм А.Н. Яковлева, его демонстративно презрительное отношение к классикам марксизма и к огромному культурному пласту, высоко поднявшему такие понятия, как «народ» и «труд», вызывает недоумение. Чьи это мемуары — ветерана врангелевской контрразведки? Американского сенатора из ястребиной партии войны, которую коммунист А.Н. Яковлев ещё в восьмидесятые годы припечатывал в своей книге «От Трумэна до Рейгана»? Может быть, автор — жертва советской карательной психиатрии, коллега Льва Убожко? А.Н. Яковлев ставит знак равенства между партией Ленина и партией Гитлера.

Долгие годы А.Н. Яковлев работал вместе с Михаилом Андреевичем Сусловым — крупнейшим нашим идеологом 50–80-х годов. Своего шефа в нынешних воспоминаниях Яковлев представляет чуть ли не страшной фигурой. Но показательно, что при этом у академика хватило фантазии лишь на высмеивание многолетней привычки Сулова носить калоши. Спору нет, это — убийственный компромат на «серого кардинала». Как только наш народ вытерпел эти самые суловские калоши! Вот передел гостиничного бизнеса, который нынче в частных руках, — это по-нашему. И не беда, что ведущие политики девяностых были втянуты в процессы, которые сопровождались автомобильными катастрофами и выстрелами из-за угла. Не беда, что сносят гостиницы «Москва» и «Будапешт», уничтожая культуру московской городской застройки, — всё это не беда, лишь бы нынешние господа не носили старомодных калаш... Журнал «Народное образование» не раз предлагал серьёз-

Нам учитель задаёт
С иксами задачи.
Кандидат наук — и тот
Над задачей плачет.
То ли ещё будет...

Литературу изучали как литературоведение. Выступая в 1980-х годах в печати, писатели сетовали на то, что в школе разрушают целостное, эмоциональное и непосредственное восприятие художественного произведения. Школьный курс истории изобиловал датами, именами, известными лишь специалистам.

Другое определение содержания образования представляет его как *совокупность знаний, умений и навыков, которые должны быть усвоены учениками*. Оно вполне согласуется с конформистскими позициями, поскольку не раскрывает характер этих знаний и умений и не основано на анализе всего состава человеческой культуры. Предполагается, что обладание знаниями и умениями (относящимися, кстати, к тем же основам наук) позволит человеку адекватно жить и действовать внутри существующей социальной структуры. Достаточно, чтобы он обладал по возможности обширным кругом знаний и умел их применять. В этом случае и требования к образованию соответствующие: необходимо и достаточно передать подрастающему поколению знания и навыки по языкам, математике, физике и другим учебным предметам.

Однако на самом деле сегодня всего этого недостаточно. В последние десятилетия (ориентировочно с 1960-х годов) в общественном и, конечно, в педагогическом сознании произошёл сдвиг, повлёкший за собой, в частности, и продвижение в понимании всего комплекса вопросов, связанных с образованием.

Стремление к отказу от жёстких авторитарных схем, связанных с манипулированием учащимися, и ориентация на развитие личности, проблемное обучение, повлекло за собой в 1970–1980-х годах усиление внимания к философскому, методологическому и теоретическому осмыслению педагогической науки и практики. Формировалось представление о целях современного образования, предполагающее по возможности полное развитие тех способностей личности, которые нужны и ей, и обществу, приобщение её к активному участию в жизни, соединение бытия индивидуального человека с культурой. На таком понимании целей были основаны инновации последних лет, направленные на преодоление жёсткого манипулирования сознанием воспитанников, отход от практики **индоктринации школьников**, то есть навязывания им незыблемых и не подлежащих критике стереотипов мышления. Гуманизация, то есть «очеловечение» образования, была нацелена на усиление тех положений отечественной и зарубежной педагогики, которые ориентируют на уважение к личности воспитанника, формирование у него самостоятельности, установление гуманных, доверительных отношений между ним и воспитателем. Одним из благотворных следствий этого процесса оказалась замена

учебно-дисциплинарной модели взаимодействия педагога и воспитанника лично ориентированной моделью, утверждающей взгляд на ребёнка как на личность, связанный с отрицанием манипулятивного подхода к детям.

В контексте этих тенденций был предложен *культурологический подход* к построению концепции содержания общего среднего образования, соответствующий установкам гуманистического мышления. В соответствии с этим подходом содержание образования рассматривается как *педагогически адаптированный социальный опыт человечества, изоморфный, то есть тождественный по структуре (разумеется, не по объёму), человеческой культуре во всей её структурной полноте.*

Содержание, изоморфное социальному опыту, состоит из четырёх основных структурных элементов: *опыта познавательной деятельности, фиксированной в форме её результатов — знаний; опыта осуществления известных способов деятельности — в форме умений действовать по образцу; опыта творческой деятельности — в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений — в форме личностных ориентаций.*

Усвоение этих элементов социального опыта позволит человеку не только успешно функционировать в обществе, «вписываться» в социальную систему, приспособившись к ней, но и действовать самостоятельно, творчески. Концепция ориентирует педагога на специальную работу, содействующую становлению человека, способного к сопереживанию, готового к свободному гуманистически ориентированному выбору, индивидуальному интеллектуальному усилию и самостоятельному, компетентному и ответственному действию в политической, экономической, профессиональной и культурной жизни, уважающего себя и других, терпимого к представителям других культур и национальностей, независимого в суждениях и открытого для иного мнения и неожиданной мысли.

В последние годы появились признаки «отката» к временам господства сциентистской ориентации, сводящей школьное образование к основам наук. В публикации «Новой газеты» по проблемам реформирования образования говорится: «Содержание образования — самый больной вопрос для разработчиков. Это поле оказалось ими не возделано — руки не дошли — и было сдано без боя чиновникам, которые явочным порядком учинили на нём ползучую контрреволюцию, пытаясь подогнать содержание образования под «новые» стандарты, основанные на постановлениях ЦК ВКП (б) 30-х годов. (Это вовсе не шутка, а факт.)» (*Сергей Мухомов*. Учителей, детей и родителей просим беспокоиться // Новая газета. 2001. 23–25 апреля. № 29 (672). С. 16).

Рекомендовано сокращение часов, отведённых на изучение литературы, и замена сочинения изложением. Значит — учим овладению умением не выражать свои мысли, а пересказывать чужие. Говорит директор школы А. Тубельский: «Очевидно, что изу-

нее относиться к сусловской традиции, которая эффективно служила огромной стране в течение нескольких десятилетий. Существует опыт середины девяностых годов, когда выдвигалась идея прямой преемственности: Россия дореволюционная — Россия новая. Предполагалось забыть советское наследие как нечто чужеродное, маргинальное, как сугубо отрицательный опыт. Но эта концепция провалилась на всех уровнях: советское наследие оказалось актуальным, востребованным. А раздражает оно только тех, кто до 1991 года находился во внутренней эмиграции. Мы должны уважать это меньшинство, но жить по его законам Россия не станет. Александр Николаевич Яковлев считает советскую историю затмением солнца на российском небе, помутнением народного рассудка. Это нынешняя доктрина бывшего члена Политбюро ЦК КПСС. Как мыслитель, он имеет право и на дальнейшую эволюцию взглядов, но общество не может вслед за Яковлевым блуждать по извилистым тропам, меняя направления... Известно, что перебежать с платформы на платформу легче тому человеку, у кого нет багажа. А народ мудр, его интеллектуальный багаж не позволяет резко перепрыгивать через рельсы. Следовать за таким переменчивым идеологом, как А.Н. Яковлев, — дело хлопотное. 15 ноября 1972 года в «Литературной газете» появилась статья «Против антиисторизма», в которой доктор исторических наук и профессиональный коммунист А.Н. Яковлев писал: «50 лет СССР — это зримое свидетельство героизма, самоотверженности, исторических свершений всех народов великого Советского Союза, прошедших в тесном едином строю нелёгкий путь борьбы, труда и побед. Только объединёнными силами можно было построить социализм. Только в условиях созидания нового строя могла сложиться новая историческая общность — советский народ». Вот с этим положением академика мы согласны, только вот беда — сам автор давно ушёл от такого понимания дружбы народов СССР. И всё-таки прошу заметить, что А.Н. Яковлев противопоставляет понятие «нация» понятию «народ». Советский народ — многонационален, он образовался как новая общность. Яковлев здесь спорит с В.В. Краевским... Кстати, яковлевская статья «Против антиисторизма» выполняла в своё время репрессивную функцию, затруднив литературную судьбу раскритикованных Яковлевым писателей. М.А. Суслов посчитал, что Александр Николаевич перегибает палку, нарушая баланс, существовавший между радикальными космополитами и радикальными почвенниками, — и перспективный работник ЦК отправился послом в Канаду.

Анатолий Чубайс выдвинул идею *либерального империализма*. Этой нехитрой науке он мог давно научиться у своих удачливых заокеанских коллег... Дело в том, что со времён первоначального укрепления единого американского государства — Соединённых Штатов — культура этой страны предполагала взаимное переплетение интересов бизнеса и государства. Политическая экспансия выгодна капиталу, экономическая экспансия отражает интересы американского государства... Это своеобразная традиция, вобравшая в себя и интересы широких слоёв общества. Но у России другая культура, другие особенности экспансионистской политики, обусловленные нашей географией, историей, идеологией. Мы видим, что либеральный империализм Чубайса (политика, представляющего себя антифашистом) повадками напоминает охотнорядский национализм — только есть у него одна милая особенность. С сильными и богатыми этот человек свой национализм прячет в карман. С ними он — сама терпимость, вежливый и предупредительный. Ну просто цивилизованный и высокообразованный менеджер! Но вот, волею телевидения, в эфире программы «Свобода слова», посвящённой братской Белоруссии, Чубайс и его единомышленники встретились в студии с президентом А.Г. Лукашенко. И что же? Американские уроки не прошли даром. С ним наши интернационалисты были так же высокомерны и агрессивны, как американские кредиторы с русскими клиентами... В голосе появились начальственные нотки, в каждой фразе звучали претензии к Белоруссии, которая, оказывается, тяжкой обузой висит на шее российского налогоплательщика. Такое вот братство — с открытым хамством в лицо соседу, с попреканием в мифических долгах. Вот так агрессивный либеральный национализм лишает Россию союзников, отталкивает наших соседей в объятия НАТО. Стыдно было за Россию в тот вечер миллионам телезрителей. Стыдно за то, что нашу страну на высшем уровне представляют такие вот охотнорядские националисты либеральной империи. Вот так и разжигаются межнациональные конфликты — без всякого основания, по прихоти безответственных политиков, чьи финансовые резоны не совпадают с интересами государства. А ведь вопрос установления общей государственности с братской Белоруссией — важнейшая задача, которую ставит перед нами История. И оскорблять дружбу наших народов не позволено никому. Пройдёт пять лет — и союз России и Белоруссии станет важнейшим явлением нашей жизни, станет тем пространством, которое придётся обживать российской и белорусской культуре. Это реаль-

чение точных наук — далеко не единственный способ познания мира. Но нас по-прежнему продолжает устраивать, что в школе дети в основном изучают именно точные науки. Неужели мы и правда думаем, что знание графиков, функций и амфотерных гидроксидов в жизни пригождается больше, чем умение читать и любить книги?» (Духовной пищи станет меньше // Общая газета. 2000. 9–15 ноября. № 45 (379).

Что остаётся в головах выпускников школы от такого содержания? Очень немного. Проведённый в 2000 году опрос *ста учителей* на предмет знания ими материала, включённого в экзаменационные билеты для *школьников*, показал, что, например, свободно на вопросы по физике могут ответить от 11 до 18 респондентов, причём 11 из них являются учителями физики. Понятие «аллотропии» не известно 59 участникам опроса, и только 1 из 100 считает, что это должен знать каждый культурный человек (Вестник ОИРШ (Общественного института развития школы) № 1(5). Санкт-Петербург, 2000).

«Откат» в прошлое, отвращение к переменам в образовании — существенный вклад в достаточно сильный сегодня духовный настрой, ориентированный на архаизацию общественных отношений. Не минует это поветрие и весьма образованную часть социума. Не сразу разберёшься, где проходит граница между интеллигентностью и интеллектуализмом, когда дело доходит до конкретных фактов и их оценки.

Вот заочный разговор трёх академиков вокруг одного и того же.

По случаю юбилея РАО вспоминаем о прошлом: «Это годы репрессий, в которых пострадали миллионы людей, *в том числе* ни в чём *не виноватых* (выделено мной. — В.К.)». Это строки из предисловия к только что опубликованному сборнику «Российская Академия образования. 1943–2003» под общей редакцией Н.Д. Никандрова. То есть вообще-то они были виноваты, но кто-то случайно оказался не виноват... Любой юрист скажет: в этом случае виновных быть не может в принципе, поскольку сами *репрессии* — *преступление*. Если они рядятся в одежды закона, иногда в мясорубку могут попасть и виновные. *О в том числе виноватых* можно прочитать в другой книге. Речь идёт об уголовниках и действительно уличённых в диверсионной деятельности: «Но ведь это же ничтожная доля процента от миллионов невинно пострадавших» (*Бестужев-Лада И.В.* Открывая Высоцкого... М., 2001. С. 224).

Итак, для одних «в том числе» — ничтожный процент виноватых, для других «в том числе» — не виноватые, а их, как мы знаем, — миллионы. Одни застой называют «так называемым» и заключают в кавычки, которыми его как бы ликвидируют. Для других он — реальность с длинным шлейфом бедствий и невзгод.

Говорят, Бог наделил нас свободой нравственного выбора. Пусть Совесь (слово, сегодня непопулярное) скажет каждому — где интеллигентность, а где лукавство, совмещённое с интеллек-

том. Тогда и выяснится, не пролетает ли поблизости редкая птица — Совесть, без которой в конечном счёте никому не выжить — ни интеллигенции, ни тем, кто себя к ней не причисляет. Не выжить без святой наивной веры в избитую (битую многократно) истину: «Добро остаётся добром в прошлом, будущем и настоящем» (Владимир Высоцкий).

«Бойтесь равнодушных!» — завещал Бруно Ясенский, один из миллионов без вины виноватых. Пока есть неравнодушные — жизнь продолжается. Они есть. Вот несколько имён из многих: Зоя Богуславская, Борис Васильев, Андрей Вознесенский, Леонид Жуховицкий, Фазиль Искандер, Римма Казакова, Андрей Макаревич, Николай Шмелёв, Владимир Войнович, Андрей Волос, Олег Чухонцев, Асар Эппель, Олег Павлов. Газета, в которой напечатано их обращение к министру образования РФ, именует их «представителями российской интеллигенции, встревоженными планами пересмотра стандартов по литературе» (Известия. 2003. 19 июля. С. 5). Обсуждение их позиции в задаче этой статьи не входит. Важно, что интеллигенция живёт и что связь времён не порвалась. Прошлое пусть будет не образцом, а уроком для будущего.

Ближайшее будущее не очень обнадеживает. Но и беспроблемным оно не видится. Пока будет дорога, будут и ухабы. Пока есть грабли, на них будут наступать. При всём том оптимизм — не глупость и прожитые годы не могут его «отменить». Движение вперёд можно задержать, но не остановить. Вряд ли сторонникам самодержавия и прочего в том же духе удастся предотвратить выход на общественную арену поколения патриотов без кавычек — интеллигентных людей, способных противостоять самовластию, мракобесию и насилию. Тогда не будет надобности в подвижничестве немногих и историческую миссию интеллигенции в России можно будет считать завершённой. **НО**

ность, отрадная реальность. И образовательное общество должно готовиться к объединению наших стран не менее усердно, чем это делают финансисты перед введением единой валюты. Именно по этой причине стратегические статьи о роли интеллигенции в образовании так важны именно в нынешнее время. Время обсуждать доктрину Просвещения в стране, возвращающейся к стабильному существованию, к поступательному развитию цивилизационных процессов.

Нам необходимо избежать тенденциозной односторонности в школьном преподавании общественных наук. Если учебники истории, по Яковлеву, будут проклинать советскую историю, приравнивать СССР к фашистской Германии, призывать к новому Нюрнбергскому процессу и повторять прочие модные измышления либеральных радикалов, все наши социальные проблемы будут усугублены и мы получим Веймарскую Россию — закомплексованную, слабую и озлобленную. Вместо патриотизма «сверху» получим трамвайный патриотизм «снизу». И ответственность за новые катаклизмы будет лежать на либералах. Школьное образование должно быть ангажировано только одной идеологией — идеологией созидания, гордости за родную страну и её историю. Время ниспровергателей прошло, оставив нам немало перебитой посуды. Бунт против родной истории, по Пушкину, и бессмысленный, и беспощадный... А В.В. Краевского мы благодарим за боевую, честную статью, с которой, право слово, и поспорить приятно. ■